Кубасов Владимир Степанович

95

Сов. культура, 1983, 8 авг., 19?

люди искусства

СДЕЛАЛ ХОРОШО — ЗАПОМНЯТ...

М. ЩЕРБАЧЕНКО

— Сразу после института дали мне проектировать объект. Получилось вроде бы недурно. А когда пошло строительство, с ног сбился. Дело молодое, хотел, чтобы мой первый дом был «с иголочки». Помню, месяц целый пробивал голубую кафельную плитку. Когда пробил — ликовал, будто почетную премию дали. А кончил радоваться — и понял: надо из архитектуры уходить. И подался в науку.

Мой собеседник, человек тонкого ума, говорил с покоряющей самоиронией. Я слушал, а мысли все время сбивались на штукатурку. Пятьсот квадратных метров резной штукатурки, которую при строительстве здания МХАТа, что на Тверском бульваре, собственноручно сделал архитектор Кубасов.

Мы с Кубасовым не один год знакомы, первая же встреча была очень даже необычной. Я тогда позвонил в «Моспроект-2», представился, попросил уделить время для разговора. Владимир Степанович в ответ:

— Вы встаете рано? Тогда приезжайте в семь часов в Тимирязевский парк, к пруду. Там спокойно потолкуем. А то на работе не дадут.

— Может, лучше после работы?

— Кто ж знает, когда она кончится!

Пришлось ставить будильник на пять утра.

...Стояла поздняя осень. Кружил снег. Пруд уже покрылся ледяной коркой, но «моржи» разогнали лед у берега, и теперь их головы покачивались над водой. Голова Кубасова была среди них.

Потом следовала согревающая пробежка, и Владимир Степанович, ритмично выдувая пар изо рта, объяснял, что ледяные омовения для него не мода и не блажь и что сегодняшнему архитектору здоровье профессионально необходимо. А я трусил рядом и не очень-то верил, ибо по наивности считал, будто все усилия архитектора к тому лишь сводятся, чтобы придумать да потом еще нарисовать нечто изящное. А после сам собой вырастет дом.

Заблуждение исчезло в тот же день. Его я провел с Кубасовым, потом еще день и еще. Видел, как в десятый раз переделывали рабочие чертежи, слушал изысканные диалоги с прорабом, ощущал жар стройки, суету, гонку, нервотрепку, видел отчаяние проектировщиков... И в таком-то ритме и обстановке надо было не растрясти, не растерять то, что сделает продукт архитекторов не функциональной суммой кирпичей, а произведением искусства.

А за стеной мастерской-времянки рос город. Тот, что стоит сейчас на Краснопресненской набережной столицы и называется Центром международной торговли и научно-технических связей с зарубежными странами.

Это в самом деле настоящий город в городе. Таким он предстает снаружи — композиционно и пластически объединенным комплексом из нескольких монументальных зданий. Таков он и внутри — с пассажем-улицей, окаймленной чередой офисов, почтовых и телетайпных служб, различных представительств, магазинов, ресторанов и баров, заведений обслуживания, атриумом — огромным холлом с уютными гнутыми диванами, вечнозелеными деревьями, кафе, фонтанами.

Кубасов всегда хотел поработать не просто над отдельным зданием, а над масштабным пространственным организмом. Тут мечта его сбылась, но и он пришел к ней во всеоружии. Хотя Владимир Степанович был лишь одним из четырех московских соавторов-архитекторов этого советско-американского проекта, однако главную, многолетнюю нагрузку — нагрузку строительства — вынес именно он со своей командой. Сумел, потому что был опыт и не было иллюзий. Потому что прежде был МХАТ.

Ему архитектор отдал десять лет. Пройдя несколько проектных этапов, отказавшись поочередно от поверхностной аналогии — фасада-занавеса с чайкой посредине, модного во время оно бетонно-стеклянного стиля, от изобразительных ассоциаций со старым, построенным Шехтелем, зданием МХАТа, Кубасов в конце концов отыскал опору. Понял, что традициям нужно следовать не с помощью взятых у Шехтеля архитектурных цитат, а создавая определенный мхатовский стиль — коричнево-серо-зелеными тонами, небольшой высотой помещений, парадным и внутренним освещением, характером отделки. Словом, он увидел свой МХАТ.

Были трудности потруднее творческих. МХАТ, вы понимаете,— объект особый. Очень многим уважаемым людям было небезразлично, каким он окажется. Виды у каждого свои. Один считает, что надо отделать интерьер светлым деревом. (Кубасов думает: негоже уподоблять театр деловым кабинетам). Другой против того, чтобы закрывать фойе второго яруса,— хочет, чтобы зелень Тверского бульвара как бы вошла внутрь. (Автор проекта же считает: ничего из внешнего мира не должно сбивать зрителя с тональности спектакля). У третьего есть мнение, что театр нужно облицевать белым мрамором — Москва-то суть белокаменная! Словом, у всякого свой вкус.

— И что же вы?..— спрашивал я у Кубасова.

— Иногда удавалось убедить, а иногда брал и делал по-своему. В конце концов, кто автор — я или не я?

Вот корень. Об авторстве он не забывал. Помнил, что сам обязан провести вверенный ему корабль через рифы мнений и самолюбий к вечной стоянке.

Была и третья разновидность трудности — само строительство. Нет, например, зеленого узбекского мрамора для декоративного стола в вестибюле — архитектору предлагают зеленое сукно. Не завезли цветного камня — зато белый вот он, не стоять же рабочим! Сначала Кубасов в ответ рычал, а потом махнул рукой и сам сделался снабженцем. В Ташкенте добыл мрамор, в Армении — туф. Мало автору хлопот? Добавим! Строители не справились с резной штукатуркой — он сделал ее сам. Работал денно и нощно. Являлся на стройплощадку первым и уходил после всех. Строители оценили трудягу-архитектора. К концу все чаще сами стали предлагать: давай, мол, Степаныч, вот так сделаем — красиво будет. Положим, было бы некрасиво, но разве в этом дело!

Любопытную я заметил штуку: работы Кубасова, как правило, оценивают категорично. Либо сразу и полностью отвергают, либо столь же безоговорочно принимают. Потому, наверное, что эти постройки цельны и неделимы. Владимир Степанович считает так: архитектор должен пропустить через свой проект «сверху донизу» единую мысль — значит, и проектировать все, от мала до велика, обязан он сам. Так было со МХАТом — начиная с общего объема и кончая латунными гардеробными крючками. И с речным вокзалом в Ростове-на-Дону. И с Дворцом пионеров и школьников на Ленинских горах, за который Кубасов и шестеро его коллег, будучи еще молодыми архитекторами, получили Государственную премию РСФСР. И в Центре международной торговли, где вновь проявились равноценное уважение и внимание к большим и мизерным пространствам, единство всех звеньев архитектуры, отсутствие случайностей, стилистическая выверенность. Как следствие — ясный след авторской личности. И еще след серьезного труда и столь непросто дающейся творческой принципиальности.

Остановимся. Подумаем. Итак, архитектор Кубасов. Руководитель мастерской. Лауреат. Член правления Союза архитекторов СССР. Человек весьма авторитетный в своем кругу, достаточно известный и за его границами. В общем, имя. И четыре постройки. Да-да, четыре, все они названы. И пятьдесят три года за спиной.

Мало успел? Да, похоже, немного. Но, право же, не случайно говорим мы не столько о многосложных поисках образа, стиля и других, так сказать, высоких вещах; дела сугубо земные — главная тема этих заметок. Реальность такова, что строительство забирает у архитекторов куда больше и сил, и времени, чем предшествующая ему проектная стадия. Это в тех случаях, конечно, если автора по-настоящему беспокоит результат. Вот тогда стройка становится для него не гастрольной площадкой, а постоянным рабочим местом.

Вы скажете: есть же авторский надзор. Пришел, увидел, записал. Все верно, журнал в прорабской, ручка в кармане. Но только видел я, и не однажды, как архитекторы потом приходили на свой проект да ахали — и старое не исправили, и нового наворотили. В былые времена известный академик архитектуры (живет такая легенда) являлся на стройку с массивной тростью и ее железным набалдашником сбивал не понравившийся карниз. Теперь такой метод, как вы понимаете, не годится. Нужный результат (по крайней мере в восьми случаях из десяти) будет лишь тогда, когда архитектор оказывается не куратором, а деятельным участником строительства. Я вовсе не утверждаю, что это хорошо, но это реальность.

Вот на что уходят годы Кубасова. Но он не жалеет. И в этом я вижу его высокий профессионализм. Профессионализм практика.

Если человек сделает много, но плохо, все забудут «много» и запомнят «плохо». Если же наоборот,— забудут, что сделал мало, запомнят, что сделал хорошо. Где-то я вычитал эту абсолютно верную мысль. Сказано было, правда, не про Кубасова, но к нему полностью применимо.

● *Архитектор В. Кубасов.*
Фото Д. Чижкова.